

УДК 94(37)

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.72-83

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГРАЖДАНИНЕ В ПЕРИОД КРИЗИСА РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА КАТОНА ЦЕНЗОРА

А.О. Кудратов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрена проблема римских гражданских ценностей через призму образа идеального гражданина. Необходимость такой постановки проблемы усматривается в четко прослеживаемом в римском обществе моральном релятивизме: жестко очерченные границы дозволенного отступают перед авторитетом идеального гражданина. Кроме того, апелляция к морали являлась основным инструментом главной римской политической практики – выступления с речами. К тому же квинтэссенцией римской морали являлся образ идеального гражданина, который воплощался в конкретных римлянах. Наряду с обращением к морали отсылка к поступкам признанного римлянина являлась значимым аргументом в политических и судебных спорах. Исходя из факта признания римлянами конкретной исторической личности на протяжении истории как республиканского, так и имперского Рима – Катона Старшего, проведен анализ комплексов доблестей, присутствующих идеальному гражданину. Результаты данного поиска, выраженные в разрозненных «наборах» добродетелей, позволили ответить на намеченный в историографии вопрос «набора» доблестей, необходимых для признания гражданина идеальным. На примере упоминаний в источниках Катона Цензора было определено, что термины добродетелей не имеют решающего значения в признании римского гражданина таковым.

Ключевые слова: гражданские ценности, римская система ценностей, Катон Цензор, Катон Старший, Цицерон, *vir bonus*, идеальный гражданин, кризис Римской республики, *virtus*, доблести, добродетели

Политическая жизнь поздней Республики предстает в источниках как постоянная борьба пороков с добродетелью. Это мнение в полной мере находит отражение в речах Цицерона против Катилины: «...Но можно ли мириться с тем, что бездельники злоумышляют против храбрейших мужей, безумцы – против умнейших, пьяные – против трезвых, неисправимые лентяи – против бдительных?» (Сic.Or. In Catilinam II, 10, 25). Ситуация, в которой любые заслуги воспринимаются как прямое следствие доблести человека, типична для периода поздней Республики.

Вся политическая борьба вращалась вокруг «соревнования в доблести». Источники не позволяют нам не согласиться с исследователем Джоном Конноли, который так описывает данную ситуацию: «Этос переносит соперничество элиты в сферу морали, тем самым превращая политические разногласия (находящие

свое выражение в политических дискуссиях и судебных разбирательствах) в споры о морали. В таком подходе не учитывается нестабильность политического строя: скрывая реальные трещины, созданные внутренней борьбой за власть, соперничество, угрожающее стабильности, становится очищающей моральной силой и обещает, что немаловажно, исцелить государство»¹ [1, р. 58–59]. Проще говоря, политическая культура рассматриваемого периода превращает борьбу внутри элиты в словесные состязания за добродетель. Каким образом это происходит на историческом материале, указывает историк Х. Мауритсен: «Позже катилинарии устроили заговор под знаменем свободы, утверждая, что их цель – освобождение народа от угнетения. После подавления мятежа настала очередь Цицерона предстать спасителем *res publica* и его *libertas*. Более того, когда он был сослан за незаконную казнь заговорщиков, Клодий оправдывал это защитой свободы народа и построил святилище *libertas* на месте дома Цицерона. Вернувшись из изгнания, Цицерон утверждал, что не только его собственное положение, но и *libertas* римского народа были восстановлены. Цезарь пошел против установленного порядка не только для защиты собственного *dignitas*, но и для защиты *libertas* народа. В конце концов, он был убит недовольными сенаторами, которые также действовали во имя *libertas*» [2, р. 9].

Кстати приходится выдержка из речи Цицерона о предоставлении империя Гнею Помпею, где в явной форме просматривается, как римляне прощают признанным деятелям нарушение традиции. Из указанной речи, во-первых, видно, как сам Цицерон использует апелляцию к добродетелям Гнея Помпея для достижения своих целей, во-вторых, отмечены прецеденты подобных решений в истории Рима: «Не стану здесь говорить, что предки наши во времена мира всегда руководствовались обычаем, а во времена войны – пользой государства и всегда прибегали к новым мерам, если этого требовали новые обстоятельства; не стану говорить, что две величайших войны, пуническая и испанская, были закончены одним императором и что два самых могущественных города, более чем все другие, угрожавшие нашей державе, Карфаген и Нуманция, были разрушены все тем же Сципионом; не стану упоминать о недавних решениях ваших и ваших отцов, в силу которых все надежды нашей державы были возложены на одного Гая Мария, так что один и тот же человек вел войну и с Югуртой, и с кимврами, и с тевтонами» (Cic.Or. De imperio Cn. Pompei, 60).

Как следует из цитаты, гражданин, обладающий добродетелями, может стать выше обычаев, потому как его деятельность непосредственным образом нацелена на всеобщее благо и действует он, сообразуясь с общей пользой. В таком случае, если обычай, так или иначе, преграждает путь пользе, – с ним не считаются. Предполагается, что идеальный гражданин ориентирован в своих действиях и поступках исключительно на благо Республики.

Совокупность всех добродетелей кристаллизуется в представления об идеальном гражданине. Определение последнего дает С.Л. Утченко: «*Vir bonus* – полисный идеал, эталон римского гражданина и патриота. Чтобы соответствовать этому идеалу, требовалось, как мы знаем, воплотить в своем лице множество добродетелей (*virtutes*), обладать их совокупностью, получить апробацию

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – А.К.

общественного мнения, т. е. мнения сограждан. Таким образом, все древнеримские *virtutes* – в какой-то мере добродетели общественного, политического характера, и потому образ *vir bonus* – образ не только земледельца, но воина и государственного деятеля» [3, с. 185]. Важно отметить, что само это определение является проблемным в свете приложения его к источникам. Решение задачи реконструкции концепта «идеальный гражданин», как мы увидим далее, в первую очередь усматривается в анализе тех добродетелей, которые соответствуют образу идеального гражданина. Но у того же Цицерона в его трактате «Об обязанностях» появляются добродетели, не связанные исключительно с общественной пользой. В трактате выделены четыре главные добродетели:

- 1) *cognitio* – познание истины (Cic. De Off, VI.15);
- 2) *iustitia, beneficentia* – справедливость, щедрость (Cic. De Off, VI.20, XIV.42);
- 3) *magnitudo animi* – величие духа (Cic. De Off, XVIII.61);
- 4) *decorum* – благопристойность / умеренность (Cic. De Off, XXVII.93).

В этой классификации появляются ценности индивидуального, личностного порядка. Цицерон, рисуя портрет идеального гражданина, не все компоненты подчиняет строго политическим определениям. Таким образом, античные источники, претендующие на теоретическое осмысление оправдания какого-либо феномена или действия, оказываются слишком тенденциозными и расходятся в показаниях с другими свидетельствами того же времени. Оправдание замыкается на обладании доблестями при разночтениях относительно того, какими конкретно доблестями должен обладать идеальный гражданин. При этом С.Л. Утченко в другом месте отмечает – исчерпывающий перечень римских *virtutes* едва ли возможен [4, с. 21].

Особо стоит обратить внимание на то, что ценности, отсылающие к римской традиции, в I в. до н. э. существуют в ситуации кризиса. Это было время, когда Римская республика «став во II в. до н. э. могущественной державой Средиземноморья, постепенно утрачивает полисные традиции. *Civitas* I в. до н. э. – это уже не классический полис, но пока еще и не совокупность подданных классической империи. Вся система общественных отношений этого периода представляет собой своеобразный и весьма сложный синтез элементов вырождающегося старого и зарождающегося нового» [5, с. 6]. Таким образом, целью настоящей статьи является ответ на вопрос о том, как преломляются представления о римских гражданских ценностях в ситуации системного кризиса Римской республики.

Как в историографии, так и в сведениях источников констатируется важность добродетелей, проявляющаяся в постоянном их использовании в рамках общественно-политических практик. Добродетели могли рассматриваться как один из вариантов социального капитала: «Последующие поколения правителей восполняли в добродетели или, по крайней мере, притязаниях на нее то, что они теряли в силе. Эллинистические цари отвечали за счастье миллионов людей, так же как римские аристократы и полководцы, взявшие на себя практически полную ответственность в этом вопросе» [6, р. 110].

В этой связи становится важным, каким образом, какими средствами можно было доказать, что тот или иной человек соответствует образу идеального гражданина, а значит, имеет некое конвенционально установленное право на то, чтобы в отношении него могли действовать исключения в моральном отношении.

При всей важности добродетелей в римском обществе отсутствует указание на возможность сколько-нибудь отчетливо установить их перечень или некую систему. В историографии решение данной задачи в первую очередь усматривается в анализе тех добродетелей, которые приписываются тому, кого пытаются представить, как *vir bonus*.

Так, А.И. Немировский в работе, посвященной идеологии и культуре раннего Рима, определяет понятия патрицианской идеологии и морали. Среди таких историк выделяет *pietas* (благочестие/преданность), *virtus* (мужество/доблесть), *honos* (почет / общественное признание), *concordia* (согласие), *felicitas* (счастье/благополучие) [7, с. 154]. Из текста работы следует: «Они вполне отвечали историческим условиям формирования римского рабовладельческого государства, обстановке войн, которые вел Рим на протяжении ста пятидесяти лет за господство в Лациуме... Они преследовали цель – консолидацию патрициев в борьбе против “внутренних врагов” – плебеев, т.е. имели или, точнее сказать, приобрели социальную направленность» [7, с. 154].

Г.С. Кнабе определил понятие *mos maiorum* как «привычку видеть в “нравах предков”, в преданности традиции и старинным установлениям высший критерий общественной морали» [8, с. 22].

Характеристику римским добродетелям дала Е.М. Штаерман: «Бесперывные войны требовали мужества (*virtus*), ставшего синонимом добродетели вообще. *Virtus* стала совокупностью свойств, подобающих римскому гражданину: храбрости, выносливости, трудолюбия, сурового достоинства, непреклонной честности, справедливости...» [9, с. 24–26].

В работе Н.В. Чекановой можно встретить упоминание таких, уже знакомых нам терминов, как *mos maiorum*, *pietas*, *fides* (верность) [10, с. 70, 91]. Но наибольший интерес вызывают следующие замечания: «В основе римской морали и этики лежала прежде всего общественная связь, основанная на подчинении личности интересам общинного коллектива, Республики в целом. Морально-этические стереотипы римлян воплощались в искусственно созданном идеале, который совокупно формулировался как нравы предков – *mos maiorum*» [10, с. 138].

А.Б. Егоров отмечает, что «поскольку Рим не имел конституции в современном смысле этого слова, властные функции любого органа (и особенно – сената) были во многом основаны на обычаях и традиции (*mos maiorum*), с одной стороны, и сложившейся реальной ситуации – с другой» [11, с. 214].

М. Поленц полагает, что римский народ гордился своими качествами, которые составляли его специфику: «Эта *virtus* была нравственным идеалом, который охватывал в неделимом единстве все, что ожидалось и требовалось от мужчины (женщину в рассмотрение не брали). Именно этот нравственный идеал превращал своего носителя в истинного римлянина, *vir bonus*» [12, с. 556].

Существуют и выбивающиеся из общего ряда трактовки. Поскольку римляне получали свою гражданскую идентичность благодаря службе в качестве солдат (традиционный гражданский солдат – идеализированная римская мужская идентичность), то все римляне могли чувствовать себя братьями. Братские отношения служили метафорой социальных связей между друзьями и гражданами и для *mos maiorum*, отношений, которые римляне традиционно связывали со здоровым, нравственным обществом [13, р. 141].

Представляется вполне обоснованным тезис Н.В. Чекановой о том, что «вопрос о составляющих *mos maiorum*, их ценностной иерархии и влиянии на общинные стереотипы поведения наиболее четко был разработан С.Л. Утченко» [10, с. 138]. По данной проблематике указанный автор имеет две статьи, вышедшие в журнале «Вестник древней истории» [4; 14]. Еще одна работа, также затрагивающая вопрос римской системы ценностей, вышла в приложении к изданию трактатов Цицерона [15]. Комплексное рассмотрение, однако не такое подробное, представлено в монографии «Политические учения Древнего Рима» [3]. В своих работах советский антиковед детально рассматривает значения добродетелей, отражает историю их развития, что выражается в анализе интерпретаций добродетелей римскими авторами, жившими в разное время. С.Л. Утченко находит в текстах источников параллели, указывая на их схожий смысл даже тогда, когда античные авторы используют разные термины.

У приведенных выше и ряда других авторов имеются пересечения в выделяемых ими римских гражданских ценностях, однако наиболее близким к действительности представляется высказывание С.Л. Утченко о том, что исчерпывающий перечень римских *virtutes* едва ли возможен [4, с. 21]. Добавим к этому аргументу факт количественных и смысловых изменений добродетелей во времени: «Отчасти это может указывать на то, что в общественную жизнь перешли некоторые личностные ценности, отчасти растущие притязания великих политических деятелей к почестям, когда-то закрепленным за государством. Но были и прямые заимствования из греческого мира» [6, р. 109].

Рассмотрение концепта «идеальный гражданин» представляется важным в приложении к сведениям о социокультурной ситуации Республики, даже если такое рассмотрение предполагает сугубо теоретический характер. Сущность добродетелей просматривается не только в том, что постулируют римляне, но также в том, как постулаты преломляются в реальной жизни, как сами римляне относятся к добродетелям. Указанное соотношение связано с индивидуальным опытом. Реальная жизнь – и римский опыт нам это лишь подтверждает – часто отличается от формализованных терминов. Это значит, что в каждом отдельном случае, который отражает соотношение добродетели и исторических явлений, мы будем получать свой, отличный от других результат. При изучении римских ценностей как таковых мы всегда имеем дело с представлениями о них конкретных авторов, что также доказывается встречаемыми разночтениями в интерпретациях одних и тех же терминов добродетелей.

Таким образом, направленность усилий на разъяснение, уточнение терминов добродетелей ведет к конструированию абстрактной системы добродетелей, которую можно назвать учением об идеальном гражданине. Сложно сказать, насколько даже идеально реконструированная таким способом система добродетелей, или, если пользоваться определением С.Л. Утченко, ценностей, отражает действительность. Выход из данного затруднения мы видим прежде всего в феноменологическом анализе не только терминов, но и поступков римлян, их отношения к собственным ценностям.

В рамках настоящей статьи мы попытаемся определить, что значит для римлян быть «идеальным гражданином», без анализа добродетелей. Речь идет о том, чтобы перевернуть модель идеального гражданина и исходить не из его

добродетелей, а из самого факта признания римского гражданина идеальным. Такой подход может помочь в определении того, каким требованиям должен соответствовать идеальный гражданин, а если не определить, то по крайней мере расширить представление об этом явлении.

Подсказку в отношении выбора римского гражданина, признаваемого идеальным и подходящего для нашего анализа, находим у С.Л. Утченко. Последний, говоря о римских представлениях об идеальном гражданине, высказал следующее: «Существовали и готовые образцы, канонические, переходившие от поколения к поколению примеры: Луций Юний Брут, Цинциннат, Камилл, Катон Цензор и т. п.» [3, с. 185].

Мы рассмотрим пример Катона. Показательно закрепившееся за ним прозвание «Цензор», особенно если принять во внимание значение должности цензора для римлян. Мы исходим из констатации факта, что он являлся идеальным гражданином для древних римлян. На основе анализа биографии деятеля, который был удостоен этого статуса, мы можем выявить, в силу каких причин это произошло, рассмотреть суть римского идеала гражданской доблести.

Что же позволяет нам говорить о нем как о воплощении идеала римского гражданина? Рассмотрим мнение античных авторов.

Характеризуя личность Катона, авторы превозносят его достоинства. Согласно Аппиану Александрийскому, уже в юности Катон был суровым и трудолюбивым, а также «отличался таким умом и красноречием, что за его речи римляне называли его Демосфеном, зная, что лучшим у греков оратором был Демосфен» (App. В.С. VI. 39).

Многочисленны положительные эпитеты, которые применялись по отношению к Катону. Один из героев повествования Тита Ливия, Луций Валерий, называл Катона «достоинейшим мужем» (Liv., XXXIV. 5. 2). Сам Тит Ливий пишет о нем как о благочестивом, беспорочном человеке (Liv., XXXII. 27.3). Аммиан Марцеллин, указывая причину прозвища «Цензор», отмечал «строгий образ жизни» (Amm.Marc., XVI. 5. 2).

В трудах античных авторов разных времен Катон являлся идеалом продолжительное время. Но вменять почитание Катона мы должны не только в заслугу времени, которое позволило вырасти мифам. Его значимость была довольно высока уже при жизни. У Плутарха имеются свидетельства в пользу того, что уже в числе современников были такие, кто пытался подражать Катону (Plut.Cat., XIX). Наряду с обретением славы за достойную подражания жизнь он пользовался авторитетом в государственных делах: «...В грозный час все взоры в сенате всегда обращаются к нему, словно на корабле – к кормчему, и часто, если его не было в курии, особо важные вопросы откладывались» (Plut.Cat., XIX).

Аммиан Марцеллин, описывая порочных сограждан, говорил о том, что они, «напуская на себя важность, преувеличенно хвалятся, когда их о том и не спрашивают, размерами своих поместий, умножая, например, ежегодные доходы со своих плодородных полей, раскинувшихся с самого востока и до крайнего запада...» (Amm.Marc., XIV. 6. 10). При этом совсем рядом в тексте он воздает Катону хвалу, говоря о нем как о человеке, который взобрался на вершину истинной славы (Amm.Marc., XIV. 6. 8).

Образ Катона предстает в виде эталона и появляется в текстах там, где нужно воздать хвалу или обличить порок. Встречаемые противоречия, связанные с незнанием фактов биографии Катона, говорят о разрыве в представлениях о Катоне как исторической фигуре и Катоне как воплощении доблестей.

То, о чем говорил Катон, и интерпретация его идей были не идентичны. Что же происходит в I в. до н. э.? Каким был образ Катона в интересующий нас период кризиса Республики?

Главным источником, дающим ответ на эти вопросы, являются сведения Цицерона. Отметим ряд представлений об идеальном гражданине, приписываемых Цицерону историографией: «Осмысление логической связи между добродетелями государственного деятеля и процветанием государства – один из ключей к пониманию общей аргументации Цицерона» [16, р. 25]. Цицерон в своих письмах защищал политические идеалы, которые можно описать как консервативные, республиканские, отдающие предпочтение «хорошим» гражданам [17, р. 112]. Он считал, что красноречие должно сочетаться с мудростью и что добрые и мудрые не должны оставлять политическую жизнь, но должны овладевать красноречием, чтобы стать эффективными. Его идеалом является человек, обладающий высочайшей добродетелью, авторитетом, а также красноречием для защиты государства [18, р. 53].

Обратим внимание, что вкладывает Цицерон в уста Катона в диалоге «О старости»: «Поистине самое подобающее... оружие... это науки и упражнение в доблестях, которые – после того, как их читали во всяком возрасте, – приносят изумительные плоды после долгой и хорошо заполненной жизни...» (Cic. De Senec., III. 9). Далее эта мысль продолжается в другой части диалога: «Какие же наслаждения от пиршеств, или от игр, или от плотской любви можно сравнить с этими наслаждениями? Таковы занятия наукой... Большого наслаждения, чем это наслаждение для ума, конечно, и быть не может» (Cic. De Senec., XIV. 50). Таким образом, в описании Катона Цицероном можно наблюдать смещение от доблестей общественных, гражданских и военных в сторону философских.

Наряду с поиском причин упадка в нравах (Cic. De Senec., III. 7, XVIII. 62) Катон говорит о земледелии как о роде занятий, наиболее соответствующем образу жизни мудреца (Cic. De Senec., XV. 51). Обращает на себя внимание упоминание о положении Катона в обществе, которое характеризовалось как высокое, чему также способствовало могущество и богатство (Cic. De Senec., III. 8). Он также был хорошим оратором, о чем свидетельствует тот факт, что, несмотря на старость, Катон не утратил голоса (Cic. De Senec., IX. 28).

Мы знаем, что идеальный гражданин обладает добродетелями, но определить конкретный список для идентификации едва ли представляется возможным. В таком случае можно было бы предположить, что образ идеального гражданина менялся не только в зависимости от времени, но и в связи с субъективными его интерпретациями. Однако еще не раз представится возможность убедиться: Катон – это идеал римского гражданина на все времена. Да, возможно, список качеств, которыми будет наделяться Катон, набор эпитетов, которыми он будет характеризоваться, будут разными для каждого периода.

В определении сущности представлений об идеальном гражданине есть одно важное обстоятельство, которое требует особого внимания. Анализ интерпретаций

образа Катона в разные периоды истории Рима показывает нам его успехи, которые связаны примерно с одними и теми же сферами общественной жизни. Таким образом, опираясь не на термины, а на те сферы общественной жизни, где преуспевал признанный римский идеал, мы имеем возможность выявить, что для римлян важно в вопросах, связанных с образом идеального гражданина.

Наиболее ярко и всесторонне Катон как идеал римского гражданина описан Титом Ливием. В описании им Катона не находят себе места свойственные любому человеку ошибки и недостатки. Мы имеем в распоряжении достаточно обширный фрагмент сочинения Тита Ливия, из которого можно вычленим важные для римлян стороны жизни, преуспевание в которых определяло облик идеального гражданина: «Он принадлежал к числу тех людей, которые силой ума и энергией пробивают себе дорогу в жизни, даже не имея знатных предков. Он умел одинаково безупречно вести и свои личные, и государственные дела, зная толк и в политике, и в сельском хозяйстве» (Liv. XXXIX. 40. 4). И далее: «Вершины почестей одни достигают знанием права, другие – красноречием, третьи – славой военных подвигов; Катон же с равным успехом подвизался на каждом из перечисленных поприщ» (Liv., XXXIX. 40. 5).

Из данного фрагмента можно вычленим сферы, в которых Катон преуспел:

- политика;
- сельское хозяйство;
- право;
- красноречие;
- военные подвиги.

В каждой из названных сфер Катон добился потрясающих воображение автора высот: «Что бы он ни делал, можно было подумать, что именно для этого он и рожден. Как рядовой солдат, он во многих боях проявил выдающуюся храбрость, а позднее, уже в качестве командующего, обнаружил незаурядный талант полководца. Он был известен как крупный правовед, искушенный в любых юридических тонкостях, и как блестящий оратор, чье красноречие живет, увековеченное в произведениях самых разных жанров» (Liv., XXXIX. 40. 6–7).

Таким образом, отталкиваясь от факта признания Катона идеальным гражданином, можно выяснить, что он являлся идеалом во всех сферах, где мог проявить себя гражданин. При этом авторы использовали разные «наборы» терминов, характеризующих Катона. Отсюда вывод, что, даже если на протяжении истории эти термины менялись, они не имели решающего значения в признании человека идеальным гражданином, и важны не термины, а совсем другое – сферы, в которых проявлял себя идеальный гражданин.

В то же время Цицерон показывает нам Катона как мудреца. Данное положение продолжает общую ориентацию на идеализацию Катона: «...Катон, в те времена, пожалуй, старейший и умнейший человек» (Cic. Laelius de Amicitia, 5). Что характерно, идеализация в данном случае идет по пути философских смыслов. В тексте диалога читаем: «...Ведь мудрым либо не был никто, чему я больше склонен верить, либо если кто-то им и был, то это был именно он. Как он (другие доказательства оставляю в стороне) перенес смерть сына! Я помню Павла, видел Гала; но ведь они потеряли сыновей отроками, а Катон – уже сложившимся и испытанным мужем» (Cic. Laelius de Amicitia, 9). И далее: «Поэтому

подумай и не ставь выше Катона даже того человека, которого, по твоим словам, Аполлон признал мудрейшим; ведь первого прославляют за его деяния, второго – за его высказывания» (Cic. Laelius de Amicitia, 10).

Положения, по которым Катон удостоивался признания в данном случае, – это философия с явно стоической направленностью. И что куда более интересно, здесь проявляется основа римского понимания мудрости, которая измеряется, прежде всего, поступками. В античной философии периода эллинизма не так много признанных всеми школами мудрецов. Одним из таких является Сократ. Тот факт, что Цицерон ставит Катона – идеального гражданина – выше общепризнанного мудреца Сократа, говорит о многом. В полной взаимосвязи с уже известным положением о том, что идеальный гражданин идеален во всем, Катон признается мудрецом и ставится Цицероном над общепризнанным философом Сократом. Таким образом, идеальный гражданин, согласно представлениям римлян конца Республики, становится первым в любой из рассматриваемых сфер, его первенство неоспоримо даже наряду с общепризнанной фигурой мудреца.

В настоящей статье был предложен новый способ реконструкции представлений об идеальном гражданине, отличный от привычного для историографии этого вопроса. Для признания гражданина идеальным, как показывает нам пример анализа сведений о Катоне Цензоре, главное значение имеют отнюдь не термины добродетелей. Выявляя составляющие образа идеального гражданина, мы обнаружили, что структурирующим этот образ элементом является успех в определенных сферах общественной жизни. Термины доблестей в данном случае выступают лишь в роли риторического излишества, показывая высокий уровень достигнутого в той или иной сфере общественно-политической жизни.

Источники

- Cic.Or. – Цицерон. Речи: в 2 т. / Пер. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1962. – Т. 1. – 441 с.
- Cic. – Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер., ст. и прим. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1993. – 245 с.
- App. – Аппиан Александрийский. Римская история / Пер. С.А. Жебелёва. – М.: Наука, 1998. – 726 с.
- Liv. – Тит Ливий. История Рима от основания города: в 3 т. / Пер. под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, В.М. Смирнова. – М.: Наука, 1993. – Т. 3. – 767 с.
- Amm.Marc. – Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. ЮА. Кулаковского, А.И. Сонни. – М.: АСТ: Ладомир, 2005. – 631 с.
- Plut.Cat. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Отв. ред. С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 669 с.

Литература

1. Connolly J. The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2007. – 304 p.
2. Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 164 p.
3. Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. – М.: Наука, 1977. – 254 с.

4. *Утченко С.Л.* Две шкалы римской системы ценностей // Вестн. древней истории. – 1972. – № 4. – С. 19–34.
5. *Дёмина С.С.* Гражданское сознание и поведение римлян I в. до н. э. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. – 134 с.
6. *Mattingly H.* The Roman “virtues”// Harvard Theolog. Rev. – 1937. – V. 30, No 2. – P. 103–117. – doi:10.1017/S0017816000022173.
7. *Немировский А.И.* Идеология и культура раннего Рима. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 208 с.
8. *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. – М.: Наука, 1981. – 208 с.
9. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима: в 2 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 22–106.
10. *Чеканова Н.В.* Римская диктатура последнего века Республики. – СПб.: Гуманит. акад., 2005. – 480 с.
11. *Егоров А.Б.* Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. ст. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2006. – Вып. 13. – С. 207–227.
12. *Поленц М.* Стоя. История духовного движения. – СПб.: Квадриум, 2015. – 1040 с.
13. *Vannon C.J.* The Brothers of Romulus: Fraternal Pietas in Roman Law, Literature, and Society. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. – 234 p.
14. *Утченко С.Л.* Ещё раз о римской системе ценностей // Вестн. древней истории. – 1973. – № 4. – С. 30–48.
15. *Утченко С.Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1993. – С. 159–175.
16. *Powell J.G.F.* Cicero’s De Re Publica and the Virtues of the Statesman // Cicero’s Practical Philosophy. – Notre Dame: Univ. of Notre Dame Press, 2012 – P. 14–43.
17. *Pernot L.* Rhetoric in Antiquity. – Washington: Cathol. Univ. Am. Press, 2005. – 269 p.
18. *Clarke M.L.* Rhetoric at Rome: A Historical Survey. – London: Routledge, 1996. – 206 p.

Поступила в редакцию
16.02.2020

Кудратов Алик Олегович, аспирант кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: alik.kudratov@gmail.com

**Representations about an Ideal Citizen during the Crisis
of the Roman Republic Using the Example of Cato the Elder**

A.O. Kudratov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: alik.kudratov@gmail.com

Received February 16, 2020

Abstract

The problem of Roman civic values was considered through the prism of the ideal citizen image. The moral relativism of the Roman society was noted: the hard-edged boundaries of what is allowed are deterred by the authority of an ideal citizen. In addition, the appeal to morality was the basic tool of the main Roman political practice – speeches. At the same time, the quintessence of Roman morality was the ideal citizen image embodied in certain Romans. Along with the appeal to morality, the reference to the actions of a recognized Roman was a powerful argument in both political and judicial disputes.

Based on the fact that the Romans recognized a certain historical person, Cato the Elder, throughout the history of both Republican and Imperial Rome, the complexes of virtues inherent in the ideal citizen image were analyzed. The results of this analysis expressed in the sets of virtues were helpful in solving the problem of the set of virtues necessary for the recognition of a citizen as ideal, which has been posed in historiography. Using the references to Cato the Elder in the sources, it was revealed that the terms of virtues are not crucial in the recognition of a Roman citizen as ideal.

Keywords: civic values, Roman value system, Cato the Censor, Cato the Elder, Cicero, vir bonus, ideal citizen, crisis of the Roman Republic, virtus, valor, virtue

References

1. Connolly J. *The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome*. Princeton, Princeton Univ. Press, 2007. 304 p.
2. Mouritsen H. *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2001. 164 p.
3. Utchenko S.L. *Politicheskie ucheniya drevnego Rima* [The Political Doctrines of Ancient Rome]. Moscow, Nauka, 1977. 254 p. (In Russian)
4. Utchenko S.L. Two scales in the Roman system of values. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1972, no. 4, pp. 19–34. (In Russian)
5. Demina S.S. *Grazhdanskoe soznanie i povedenie rimlyan I v. do n.e.* [Civic Awareness and Behavior of the Romans in the 1st Century BC]. Vladimir, Izd. VIGU, 2012. 134 p. (In Russian)
6. Mattingly H. The Roman “virtues”. *Harvard Theological Review*, 1937, vol. 30, no. 2, pp. 103–117. doi:10.1017/S0017816000022173.
7. Nemirovskii A.I. *Ideologiya i kul'tura rannego Rima* [Ideology and Culture of the Early Rome]. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1964. 208 p. (In Russian)
8. Knabe G.S. *Kornelii Tatsit. Vremya. Zhizn'. Knigi* [Cornelius Tacitus. Time. Life. Books]. Moscow, Nauka, 1981. 208 p. (In Russian)
9. Shtaerman E.M. From citizen to subject. In: *Kul'tura drevnego Rima* [Culture of Ancient Rome]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1985, pp. 22–106. (In Russian)
10. Chekanova N.V. *Rimskaya diktatura poslednego veka Respubliki* [Roman Dictatorship in the Last Century of the Republic]. St. Petersburg, Gumanit. Akad., 2005. 480 p. (In Russian)

11. Egorov A.B. Ancient democracy and the Roman political system (ancient and modern political theories). In: *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Studies and Publications on the History of the Ancient World]. St. Petersburg, S.-Peterb. Gos. Univ., 2006, no. 13, pp. 207–227. (In Russian)
12. Polenz M. *Stoya. Istoriya dukhovnogo dvizheniya* [Stoicism. The History of the Spiritual Movement]. St. Petersburg, Kvadrium, 2015. 1040 p. (In Russian)
13. Bannon C.J. *The Brothers of Romulus: Fraternal Pietas in Roman Law, Literature, and Society*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1997. 234 p.
14. Utchenko S.L. Once again about the Roman system of values. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1973, no. 4, pp. 30–48. (In Russian)
15. Utchenko S.L. Cicero’s treatise “De Officiis” and ideal citizen image. In: Cicero M.T. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [On Old Age. On Friendship. On Duties]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 159–175. (In Russian)
16. Powell J.G.F. Cicero’s De Re Publica and the Virtues of the Statesman. In: *Cicero’s Practical Philosophy*. Notre Dame, Univ. of Notre Dame Press, 2012, pp. 14–43.
17. Pernot L. *Rhetoric in Antiquity*. Washington, Cathol. Univ. Am. Press, 2005. 269 p.
18. Clarke M.L. *Rhetoric at Rome: A Historical Survey*. London, Routledge, 1996. 206 p.

Для цитирования: Кудратов А.О. Представления об идеальном гражданине в период кризиса Римской республики на примере образа Катона Цензора // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 72–83. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.72-83.

For citation: Kudratov A.O. Representations about an ideal citizen during the crisis of the Roman Republic using the example of Cato the Elder. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 72–83. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.72-83. (In Russian)